

***

— Боже, не забирай у меня дочь. Лучше вместо этого возьми меня.

Услышав голос графа, Эстель открыла и снова закрыла глаза. Всего лишь минуту назад она была на поле битвы.

Где она?

В ее голове возникла легкая путаница. Потом она вспомнила, что очутилась в теле дочери некоего графа из Янсгара.

Несмотря на то, что она очнулась, она не спешила раскрыть свои глаза. У нее не оставалось никакой энергии, чтобы держать их открытыми.

Она вспомнила сцену из своего сна.

В этот момент она подумала, что было бы хорошо, если бы она погибла в первом сражении против Янсгара.

Если бы она умерла в тот раз, то ей бы не пришлось думать о предательстве своих товарищей, и чувствовать себя так ужасно.

Она до сих пор отчетливо помнила сияющие глаза своих соратников.

А еще она вспомнила мягкую улыбку Халида.

В ее сне он был таким красивым, нежным и сильным. И это причиняло еще большую боль.

Прошло уже три дня с того момента, как она узнала, что произошло с Ольшей.

Она потеряла всякий интерес к жизни. Несмотря на то, что богиня предоставила ей второй шанс на жизнь, она все еще не могла смириться с этим.

Рыцарь, чья страна была разрушена, воин, которого предали собственные товарищи, больше на заслуживает права на жизнь.

Даже если ей была дарована новая жизнь, она бы предпочла умереть. Так думала Эстель.

— Пожалуйста, умоляю тебя, не забирай от меня мою дочь. Богиня, смилуйся надо мной.

Когда Эстель была маленькой, она понятия не имела, кто ее отец. Мать покинула ее в раннем возрасте.

С самого детства ей приходилось выживать в глухих переулках. Естественно, ей никогда не доводилось испытывать теплой привязанности, и тем более родительской любви от взрослых.

— Руци, умоляю тебя, не бросай своего отца.

Янсгар. Дворянин из вражеской страны. Как ни странно, Эстель почувствовала вину, когда увидела осунувшееся лицо графа.

Верно, сейчас она в теле его дочери.

Она все еще была без сознания. Эстель понимала, что она упала в обморок из-за того, что несколько дней ничего не ела. Так как она потеряла волю к жизни.

Однако... почему этот мужчина так горько плачет? Кроме крови их ничего не связывало. Однако она могла почувствовать его искреннюю любовь и беспокойство за нее, обладательницу этого тела.

Так вот какой он, отец. Насколько она знала, даже отец Халида не был в близких отношениях с сыном.

Отец Халида, герцог Илькай, был помешан на мечях. Отец и сын просто сосуществовали друг с другом под одной крышей, между ними не было ни привязанности, ни родительско-сыновних отношений.

Однако человек прямо перед ней любил и берег свою дочь, владелицу этого тела.

— Руцифелла, пожалуйста...

Эстель знала, что эта девушка по собственной воле прыгнула в воду.

Почему она вообще это сделала? Даже если бы Эстель спросила Руцифеллу об этом, то вряд ли смогла получить от нее ответ.

Эстель вновь прикрыла глаза, прислушиваясь к рыданиям графа.

Что теперь ей делать?

Конечно, они никогда не желала оказаться в подобной ситуации. Она твердо намеревалась умереть, так как была в глубоком отчаянии.

Однако правильно ли поступать сейчас подобным образом?

Даже если Эстель умрет, все же это тело принадлежало Руцифелле. Это тело не было ее, так что она не могла поступать с ним, как ей заблагорассудится.

Этот граф проявлял к ней большую заботу.

Он даже несколько раз наотрез отказывался ехать на собрания в императорском дворце и участвовать с ними. Вместо этого он все время оставался рядом с ней.

С самого начала Эстель никогда не могла отказать в помощи слабым.

И граф в ее глазах был именно таким человеком.

Нельзя было сказать, что был он низкого роста, однако сильным он также не казался. В нем не ощущалось никакой физической силы.

Однако его голубые глаза, что всегда были направлены на нее, были полны родительской любви и привязанности.

Когда она была рыцарем, ее меч, ее товарищи, ее дружба с ними были смыслом ее жизни. Возможно, для графа существование Руцифеллы также было его причиной жить.

Какое право имеет она забирать у него дочь и лишать его смысла жизни?

Это не значило, что она избавилась от ненависти к Янсгару, но она осознавала, что человек перед ней не несет никакой ответственности за войну.

Она также понимала, почему Янсгар вторгся в Ольшу.

Если бы Янсгар поступил так, как поступила ее собственная страна, то они бы давно пересекли границу и двинулись к Гринхиллу.

Она ощутила теплое прикосновение к своей руке. Это была рука графа.

В конце концов, она не могла быть полностью суровой к нему.

Не в ее натуре быть жестокой к врагу, она никогда не наслаждалась мучениями других.

Чувство предательства и ненависти принадлежат ей, Эстель. Эта девушка, Руцифелла, изначально не должна была испытывать их.

Однако, если подумать об этом, было много вариантов лишить себя жизни, а не с помощью такого пассивного способа.

Даже если сейчас у нее не было под рукой меча, она могла достать кинжал, спрыгнуть с крыши высокого здания, разбить чашку и порезать осколками вены или повеситься на веревке из простыни.

Но она этого не сделала. Потому что не хотела умирать.

Говоря откровенно, прежде всего она должна признать, что хотя и хотела умереть, но, с другой стороны, она также хотела продолжать жить.

За все три дня, когда она была без сознания и находилась в агонии, Эстель приняла трудное решение.

Она больше не будет отказываться от жизни, что была ей дана. Отныне она решила жить как Руцифелла, а не как Эстель.

К такому выводу она пришла не только из-за этого человека. Хотя ее привычка помогать другим могла ослабить ее, он был для нее полностью незнакомцем, не имевшим ничего общего с Эстель.

Она должна выяснить, что стало с Ольшей спустя три года и остались ли еще выжившие после этой войны. Думая об этом, она почувствовала сожаление, что у ее жизни был такой печальный и жалкий конец.

Однако она была не из тех, кто покончит жизнь самоубийством лишь из-за негативных эмоций.

При одной мысли о том, что ей придется быть благородной леди при дворе «императора» Янсгара, у нее начинала болеть голова. Но с этим фактом она уже ничего не могла поделать. Все это произошло уже после смерти Эстель.

Это было последнее благословение Астры ей, той, кого все предали и оставили умирать.

Она решила начать жизнь с чистого листа. Эстель, нет, теперь уже Руцифелла открыла глаза.

Граф позвал ее. Его глаза радостно заблестели.

***

— Простите меня, госпожа!

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду? Нет, вернее, о чем ты вообще говоришь?

Руцифелле было действительно интересно, какой жизнью жила первоначальная владелица этого тела.

Когда она окончательно пришла в себя, все слуги были излишне услужливы к ней.

Ей было знакомо такое поведение. Так вели себя слуги, которые просили короля Ольшы пощадить их.

— Я-я нечаянно капнула чаем вам на блюдце...

Когда она посмотрела на место, о котором упомянула горничная, Руцифелла увидела, что капля чая действительно упала на блюдце.

На самом деле у нее не было никакого таланта изящно пить чай. Пока она залпом пила напиток, горничная наливала ей чай. Так что было ожидаемо, что он пролился на блюдце.

Неужели такая мелкая ошибка могла напугать горничную? Теперь Эстель стало еще более любопытно, как живет знать.

Когда она перевела взгляд с чашки с красным чаем на горничную, та задрожала и упала на колени. Руцифелла была ошарашена от такого поступка служанки.

«Почему она вообще опустилась на колени? Все из-за нечаянно пролитой капли чая?»

— Почему ты все еще стоишь на коленях?

— Умоляю, простите меня, госпожа! Смилуйтесь надо мной, пожалуйста!..

«"Пожалуйста", и что дальше?»

Когда она спокойно посмотрела на горничную, та взглянула ей в глаза и продолжила.

— Пожалуйста, не бейте меня! Прошу вас о снисхождении!

— ...Что ты имеешь в виду «не бить тебя»?

Как она с таким хилым телом, которое даже не способно нормально держать чашку, может избить горничную?

— Я?

— Д-да-да!

— Я избивала тебя?

— Да!

— Кроме того, что я тебя избивала, я делала с тобой что-то еще?

— Вы велели мне положить руки на пол, а потом туфлями наступили на них.

Служанка была настолько наивной, что без колебания рассказала о всех злодеяниях госпожи.

Как теперь ей вести, когда она теперь знает, как вела себя первоначальная обладательница тела?

Руцифелла подперла подбородок рукой и сказала.

— Прекрати приносить мне чай.

— Что?

— Я сказала, что тебе не нужно больше приносить мне чай.

Горничная подумала, что манера речи госпожи была слишком дружелюбной и это казалось непривычным для нее, и потому неестественным.

Но ее удивил мягкий тон Руцифеллы. Когда служанка покидала комнату, она поняла, что такая манера речи была выражением ее прощения.

<http://tl.rulate.ru/book/57859/1496261>